

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 337–350

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 337–350

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-337-350>, EDN: XSVOVC

Научная статья

УДК [811.35+811.161.1]’27’42-048.93:004.738.5

Реализация речевой агрессии в жанре интернет-комментария в социальных сетях фронтальных регионов: речеактовая стратификация, лексическое наполнение и тематическая направленность

С. Н. Бредихин[✉], Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента лингвистики, bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Авдеев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и этнологии, ewg.avdeev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>

Воробьев Сергей Михайлович, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и этнологии, sergey_vorobev_54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>

Аннотация. Сетевое пространство предполагает коммуникативное взаимодействие, характеризующееся деперсонализацией, гипертекстуальностью и ахроничностью интеракции, высокой степенью анонимности и низкой ответственностью за продуцируемый контент. Большое значение играют комментарии, отражающие динамику настроения аудитории в реальном времени, которые становятся фактором, разрушающим речевую и этическую нормативность. Интернет-комментарии являются реакцией коммуникантов на инфоповод, составляющий тематический «якорь» всего гипертекстового пространства, могут способствовать быстрому расширению поля конфликтности в социальной реальности, мгновенно тиражируя провокативный, инвективный и враждебный контент. Цель исследования – выявление частотности употребления, речеактовой спецификации и тематической направленности провокативной лексики, определение уровня речевой агрессии в жанре комментирования социально значимых инфоповодов пользователями социальных сетей. Эмпирическим материалом стал созданный авторами исследовательский корпус, включающий инициальные посты и микроконтексты комментариев и субкомментативных реакций из социальных сетей фронтальных регионов: Дагестана, Северной Осетии – Алании и Карачаево-Черкесии, содержащие обсуждение социально значимых инфоповодов за первый квартал 2024 г. Исследование показало, что комментарии отличаются повышенной эмоциогенностью и широкими потенциями к экстраполяции конфликта из коммуникативной на социальную реальность. В сетевом взаимодействии преобладали констатиры, инвективы, квестивы и директивы. Для эмотивизации и интимизации комментативных высказываний преимущественно использовались вульгаризмы и пейоративы. Наибольшая доля выявленных высказываний направлена на негативизацию отношения к ситуативно привязанной государственной политике и этноконфессиональной конфликтивизации. Преобладание мягкого языка вражды и минимальное число менасивов и перформативов свидетельствуют о низком уровне речевой агрессии в регионах с объединяющей надэтнической религиозно детерминированной основой; отсутствие таковой и интенсификация социального размежевания во фронтальных регионах поликонфессионального и полиэтнического состава (КЧР) вызывает повышение уровня языка вражды, используемого в жанре интернет-комментария, до среднего.

Ключевые слова: жанр интернет-комментария, речеактовая специфика, конфликтность, язык вражды, тематическая детерминация, конситуативная обусловленность, фронтальные регионы, локализация инфоповода

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика» (FSRN-2024-0019).

Для цитирования: Бредихин С. Н., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Реализация речевой агрессии в жанре интернет-комментария в социальных сетях фронтальных регионов: речеактовая стратификация, лексическое наполнение и тематическая направленность // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 337–350. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-337-350>, EDN: XSVOVC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Implementation of speech aggression in the genre of Internet commentary in social networks of frontier regions: Speech act stratification, lexical content and thematic focus

S. N. Bredikhin✉, E. A. Avdeev, S. M. Vorobiev

North Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russia

Sergey N. Bredikhin, bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Evgeniy A. Avdeev, ewg.avdeev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>

Sergey M. Vorobiev, sergey_vorobev_54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>

Abstract. The network space presupposes communicative interaction, characterized by depersonalization, hypertextuality and achronicity of interaction, a high degree of anonymity and low responsibility for the content produced. Comments reflecting the dynamics of the audience's mood in real time, which become a factor destroying speech and ethical normativity, are of great importance. Internet comments are the reaction of communicants to the news feed, which constitutes the thematic “anchor” of the entire hypertext space, and can contribute to the rapid expansion of the field of conflict in social reality, instantly replicating provocative, invective and hostile content. The purpose of the study is to identify the frequency of use, speech act specification and thematic orientation of provocative vocabulary, to determine the level of verbal aggression in the genre of commenting on socially significant news stories by users of social networks. The empirical material was the research corpus created by the authors, including initial posts and micro-contexts of comments and sub-commentary reactions from social networks in the frontier regions: Dagestan, North Ossetia-Alania and Karachay-Cherkessia, containing a discussion of socially significant news events for the first quarter of 2024. The study showed that comments are characterized by increased emotionality and broad potential for extrapolation of conflict from communicative reality to social reality. Constatives, invectives, quesitives and directives predominated in network interaction. To emotivize and intimate commentary statements, vulgarisms and pejoratives were mainly used. The largest share of identified topoi is aimed at negativizing attitudes towards situationally tied state policies and ethno-confessional conflictivization. The predominance of soft hate speech and the minimal number of menatives and performatives indicate a low level of verbal aggression in regions with a uniting supra-ethnic religiously determined basis; the absence of such and the intensification of social demarcation in the frontier regions of the multi-confessional and multi-ethnic composition (KCR) causes an increase in the level of the hate speech used in the genre of Internet commentary to average.

Keywords: genre of Internet commentary, speech act specificity, conflictogenicity, hate speech, thematic determination, constitutive conditionality, frontier regions, news feed localization

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Civilizational foundations of the Russian identity of the North Caucasus youth: national unity and ethno-confessional specificity” (FSRN-2024-0019).

For citation: Bredikhin S. N., Avdeev E. A., Vorobiev S. M. Implementation of speech aggression in the genre of Internet commentary in social networks of frontier regions: Speech act stratification, lexical content and thematic focus. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 337–350 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-337-350>, EDN: XSVQVC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Глобальный мир характеризуется коммуникативным разнообразием, дискурсивно-типологические и речевые особенности которого подвергаются спецификации не только в плане полидискурсивизации, но и в аспекте кодовой и канальной детерминации. Кроме того, современное сообщество все чаще входит в сетевое пространство взаимодействия, ключевыми признаками которого являются деперсонализация, гипертекстуальность, виртуальность, ахроничность интеракции, что ведет

к росту степени анонимности жанра сетевого комментария, а значит предполагает снижение ответственности за продуцируемый контент, повышенную эмоциональность и свободу в избрании форм экспликации своих мыслей, оценок, мнений [1].

Особый интерес среди сетевых коммуникативных практик представляют комментарии к различным сетевым материалам, получающие все более широкое распространение и отражающие динамику настроения аудитории в реальном времени. Ощущение «без-

наказанности» в связи с дистантным (локально и темпорально), деперсонализированным и псевдопрезентативным ввиду действия ситуации «даунтайма» характером комментативной коммуникации становится фактором, разрушающим речевую и этическую нормативность и усиливающим социальную опасность сетевого контента. В комментативном тексте сконцентрированы качества, отличающие сетевую интеракцию от непосредственной, находят реализацию контаминационные процессы устно-письменной вербализации [2: 67, 68].

На основе этих характеристик жанр интернет-комментария как субжанр, являющийся реакцией коммуникантов на инициальный пост [3], а значит и инфоповод, составляющий пропозиционал и тематический «якорь» всего гипертекстового пространства, способен выйти за рамки коммуникативной эристической значимости и способствовать быстрому расширению поля конфликтности в социальной реальности, мгновенно тиражируя провокативный, инвективный и враждебный контент. Комментирование в социальных сетях представляет собой виртуальную делиберацию, нацеленную на модификацию отношения контркоммуникантов к описываемому событию, оценки его социальной значимости. При этом в большинстве случаев комментирование направлено на расширение дерогативного поля аксиосферы.

Фронтирность регионов Северного Кавказа проявляется во взаимодействии двух основных этнокультурных общностей – русских и северокавказских народов. Наряду с этим среди северокавказских народов существует значительная этническая и религиозная дифференциация. Различия в конфессиональной и этнической идентичности может привести к диссонансу в концептуальных и языковых картинах мира, что закономерно находит свое отражение в сетевой коммуникации и приводит к проявлению речевой агрессии. Установление корреляции уровня языка вражды и способов выражения речевой агрессии от этнокультурных различий исследуемых регионов составляет новизну настоящего исследования. Независимо от стилистического и лексического наполнения единого речевого жанра интернет-комментария этнокультурные различия контркоммуникантов, взаимодействующих в сетевом пространстве, обуславливают вариативность речевого наполнения конфликтных высказываний.

Научный контекст исследуемой проблемы предполагает выявление частотности употребления, речевого спецификации и тематической направленности провокативной лексики, определение уровня речевой агрессии (языка вражды) в жанре комментирования социаль-

но значимых инфоповодов пользователями социальных сетей. Единицы языка вражды и инвективные речевые акты являются важными средствами семантизации и семиотизации, при помощи которых в социальных сетях эксплицируется псевдоактуальное социальное доминирование отдельных религиозных или конфессиональных групп, транслируется этнонациональная рознь и формируется ненависть по отношению к «иным» в рамках отнесения их к архетипу «чужих», «врагов».

Основная часть

Материалы и методы

В настоящее время формируются новые направления исследований, среди которых выделяются использующие контаминированные трансдисциплинарные методологические принципы жанроведческого [4, 5], когнитивно-интеракционного и конверсационного [6, 7], функционально-прагматического [8], дискурсивно-модусного анализа [9]. Значимым является широко используемая в Интернет-комментариях инвективная лексика, зачастую в форме языка вражды, усиливающая конфликтный потенциал сетевого дискурса. Выбор такой лексики обусловлен враждебным коммуникативным намерением адресата и реализуется посредством речевого акта [10]. Применение в интернет-коммуникации различных способов речевой агрессии связывается с социальной напряженностью, низким уровнем толерантности и ростом межнациональной неприязни [11: 81].

Воздействие на сознание человека реализуется за счет целенаправленного использования слов – семантических маркеров конфликта. Это предполагает необходимость детального изучения языка вражды. В зарубежных исследованиях большое внимание уделяется анализу языка конфликта [12]. Важное значение при изучении конфликтности языка вражды имеют исследования дискурсивных стратегий и применяемых объяснительных моделей в условиях речевого конфликта Ван Дейка. Им в качестве Мы-группы рассматривалось этническое большинство, а в качестве Они-групп – этнические меньшинства. Простым примером такой оппозиционности выступает противопоставление «Мы хорошие – Они плохие» [13]. Классификация проявлений речевой агрессии в сфере межэтнических отношений была предложена Т. Кинни. Он рассматривает вербальную агрессию как одну из форм вражды и классифицирует ее проявления следующим образом: речь, письменные сообщения, символы и символические действия. Язык вражды связывается с такими

характеристиками, как фанатизм, стереотипы, нетерпимость и ненависть [14].

Сетевые комментарии являются важным объектом современных исследований в области бытования языка вражды. В отечественной лингвистике данная проблематика анализируется как с теоретической, так и с практической точки зрения. Е. Н. Василенко определяет язык вражды как совокупность языковых средств, вербализирующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости, основанный на стереотипах [15]. Отмечается, что лексика языка вражды применяется не изолированно, а системно, фокусируя внимание на этнической принадлежности сторон, порождая стереотипное мышление [16]. Осуществленный Н. Б. Руженцевой анализ материала массовой прессы последних лет свидетельствует о том, что влияние экстралингвистических факторов текстообразования на лингвистическую специфику языка вражды проявляется как в конвергенции, так и в повышенной степени диалогизации монологической речи. «Динамические процессы, соотносимые с языком вражды, детерминированы, прежде всего, группой экстралингвистических факторов: усиливающимся расколом общества, воздействием интернет-дискурса, а также влиянием постмодернизма, которое проявляется в повышенной степени интертекстуальности и фейковости сообщений СМИ» [17].

Речевая стратификация и определение ключевых составляющих, позволяющих отнести функционирующие в различных дискурсивных практиках высказывания к императивно-оценочным моделям текстопорождения, а значит и специфическим речевым жанрам комментативного дискурса экспликации речевой агрессии, невозможна без учета: 1) культурно-исторического контекста, 2) типологических характеристик речевого жанра, 3) альтернатив жанровых компонентов, 4) вторичных гибридных форм, обусловленных новыми техногенными и интернет-производными, 5) представленностью подобных единств в дискурсах и корпусах [18: 6]. Именно поэтому интегральное описание речевого состава в совокупности с социокультурными и этноконфессиональными факторами тематической значимости инфоповодов в осложненном состоянии коммуникативной фронтальности дискурсов является одной из наиболее благодатных сфер для анализа специфики вербализации агрессии в жанре интернет-комментария.

В качестве эмпирического материала для анализа лексического наполнения, тематической направленности и речеактовой специфики провокативного комментария в сетевом пространстве фронтальных регионов послужил

созданный авторами исследовательский корпус, включающий инициальные посты и микрореконструкции комментариев и субкомментативных реакций из социальных сетей Дагестана, Северной Осетии – Алании и Карачаево-Черкесии, содержащие обсуждение социально значимых инфоповодов. С января по апрель 2024 г. проводился сбор и анализ контента основных сообществ ВКонтакте и Telegram-каналов указанных полиэтнических регионов Северного Кавказа. По Дагестану из обоих интернет-ресурсов, используя метод сплошной выборки, было выделено 262 записи (комментария), содержащих конфликтную интенцию; по Северной Осетии – Алании – 88 записей; по Карачаево-Черкесии – 113. Выборка разного количества записей связана с меньшим числом конфликтных комментариев в Северной Осетии – Алании и Карачаево-Черкесии. Следует подчеркнуть максимальную локальную привязку глобальных конфликтогенных ситуаций в сетевой коммуникации, а соответственно интенсификацию региональных, этнических, конфессиональных аспектов модификации ценностных установок, что ведет к смене полюсов позитивизации-негативизации ядерных глобальных аксиологем в процессе дискурсивной территориальной и тематической детерминации контента [19: 59]. При анализе лексического наполнения и смысловой направленности сетевых комментариев была использована классификация А. М. Верховского, применявшаяся для изучения этнической и религиозной ксенофобии, выделяющую жесткий, средний и мягкий язык вражды [20: 15–18]. К мягкому языку вражды были отнесены все тексты, формирующие конфликтную коммуникацию, содержащие унижительные фразы, оскорбления и высмеивания. Средний уровень характеризовался присутствием конфликтных призывов и утверждений, дискредитирующих этнические, конфессиональные и социальные группы, а жесткий – наличием прямых и завуалированных призывов к насилию и дискриминации. Каждая из записей маркировалась одной или сразу несколькими ключевыми единицами в соответствии с лексическим наполнением и формой языка вражды: вульгаризм, пейоратив, этнофолизм, религиозизм и брань; мягкий, средний и жесткий язык вражды. Системный анализ лексического наполнения, тематической детерминации и речеактовой специфики конфликтогенного комментативного дискурса позволил определить степень иллокутивно-перлокутивного соответствия в процессе экспликации этнических и конфессиональных стереотипов, выявить общие жанровые особенности и пейоративные обороты конситуативных вербализаторов в зависимости от региона.

**Анализ конфликтогенного
комментативного сегмента сетевого
дискурса Дагестана**

Анализ выборки комментативного сетевого дискурса был направлен на выявление частотности и суггестивной нагрузки основных видов инвективной лексики и специфики речевой агрессии в VK-сообществах и Telegram-каналах. Наиболее часто в комментариях применялись пейоративы (59,4%), далее следуют вульгаризмы (16,8%), этнофолизмы (9%) и религиофолизмы (8,2%). Наименее часто в комментариях использовалась бранная лексика (6,6%). Среди исследованных уровней языка вражды больше всего в комментариях применялся мягкий язык вражды (66,1%). Применение среднего и жесткого языка вражды, предполагающего явные и скрытые призывы к насилию, дискриминации и депортации по отношению к тем или иным этноконфессиональным группам, незначительно (рис. 1). Это связано как с социально-психологическими особенностями народов Дагестана, характеризующихся потребностью к доминантной экспликации чувства гордости и собственного

достоинства, социально-ареальными предпосылками толерантного отношения к другим этносам, так и с достигнутой на сегодняшний день стабилизацией этноконфессиональных отношений.

Среди применимых типов речевых актов в конфликтных комментариях наиболее часто встречаются констати́вы (39,8%) и инвекти́вы (24,6%). Далее следуют квести́вы (18,8%). Незначительное число директи́вов (12,8%), экспресси́вов (3,2%), менаси́вов (0,5%) и перформати́вов (0,3%) свидетельствует о преобладании мягкого языка вражды, не предполагающего открытых угроз и призывов к насильственному и противоправным действиям (рис. 2).

Наиболее характерным являлось сочетание квестивов и инвективов (здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранены): *«Мама против другой нации?! Если мама ненавидит какие-то национальности и ищет евреев в турбинах самолетов, то вы или нацисты, или дагестанцы, получается...»*¹. В данном примере прямой перенос прецедентно маркированной пейоративной номинации

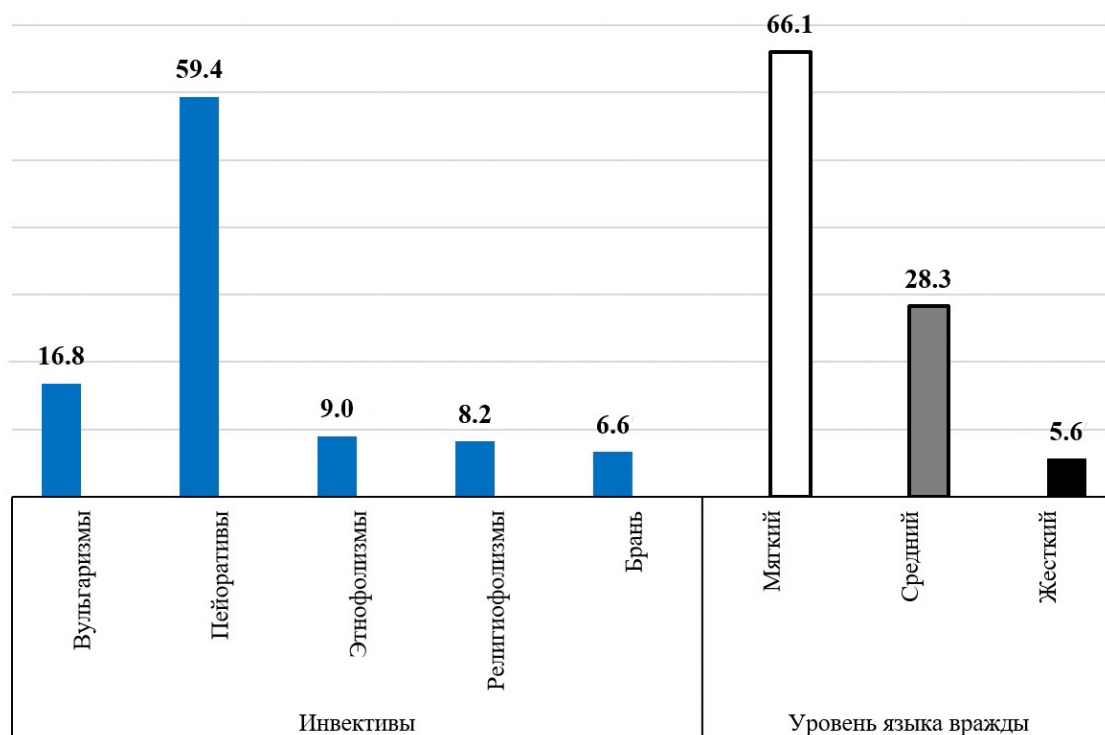

Рис. 1. Частотность применения основных видов инвективной лексики и уровень языка вражды в конфликтных комментариях (выборка по Дагестану), %

Fig. 1. Frequency of use of the main types of invective vocabulary and level of hate speech in conflict comments (sample for Dagestan), %

¹URL: https://vk.com/moy_dag#:textasciitilde;text=%D0%9C%D0%B0%D0%BC%D0%B0%20%D0%BF% (дата обращения: 13.04.2024).

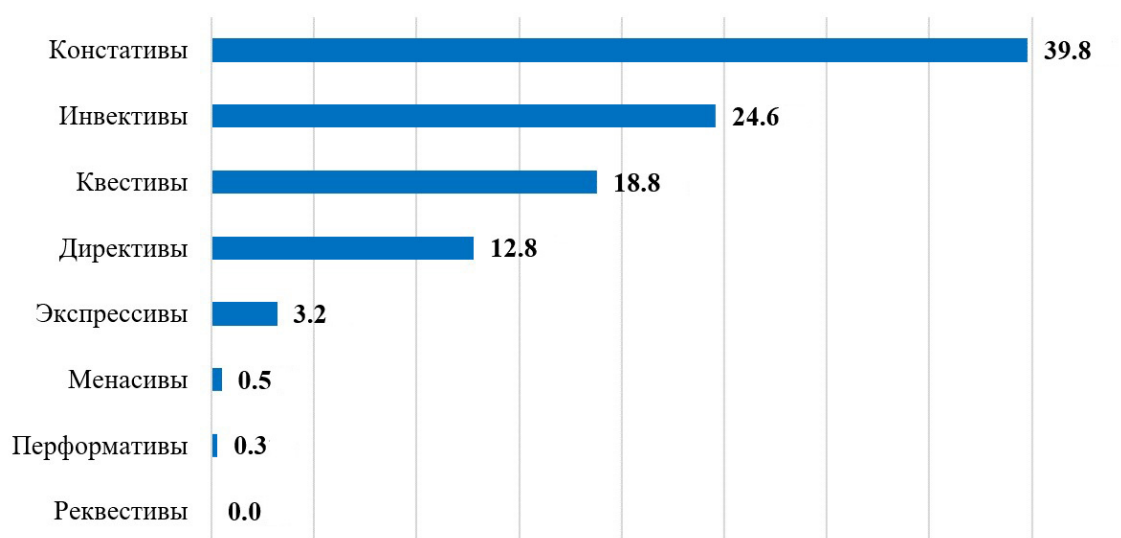

Рис. 2. Типы речевых актов в конфликтных комментариях (выборка по Дагестану), %

Fig. 2. Types of speech acts in conflict comments (sample for Dagestan), %

на этническую группу достигается за счет создания дизъюнктивной связи между «нацистами» и «дагестанцами». А сочетание инициального квестива в тематической привязке к обсуждению национальной розни предельно интимизирует дальнейший контекст и активизирует когнитивные усилия коммуникативного сообщества по расширению делиберативного пространства негативизации.

Сочетание констативов и квестивов присутствует в комментариях, направленном на утверждение наличия неприязни к религиозной и этнорегиональной общностям «мусульмане» и «кавказцы», например, «*в том то и дело, пока федеральные СМИ и передачи ведут пропаганду против ислама и Кавказа, какое может быть понимание? Преступление кавказцев дольше крутятся в СМИ чем других с указанием имен и мест проживания, и случай с врачом которой из-за хиджаба отказали в выступлении...*»². При этом даже нейтральная лексика в конситуативной привязке к инфоповоду действует как прием конфликтивизации полимодальной коммуникации, формируя два вектора субкомментирования (наднациональное конфессиональное единение и негативная презентация государственной политики).

Анализ тематической детерминации конфликтных комментариев выявил преобладание трех направлений: провоцирование этноконфессиональных конфликтов (40,3%), негативная презентация государственной политики

(24,8%), негативная презентация конфессиональной идентичности (17,5%). Меньшее число записей, направленных на негативную презентацию этнической идентичности (8,5%), косвенно свидетельствует о низкой напряженности межнациональных отношений в регионе. Ценностно-мировоззренческая конфликтность в малой степени (6,6%) отражена в рассматриваемом дискурсе. Практически отсутствуют комментарии, направленные на негативную презентацию русского языка и российской культуры (1,2%), провоцирование протестной активности (1,2%) (рис. 3).

Снижение значимости этнического фактора в Дагестане обуславливается единой исламской идентичностью, что ситуативно переносит направленность речевой агрессии на «других». Смысловая направленность конфликтных комментариев в основном нацелена на формирование неприязни к «другому», образ которого варьируется в зависимости от инфоповода. Анализ конфликтного сегмента сетевого дискурса показал преобладание в речеактовой стратификации констативов, инвективов, квестивов и директивов с наполнением специфицирующими или конвенционализированными пейоративами в языке вражды мягкого типа. Тематическое единство комментативного пространства Дагестана достигается на основе множественной экспликации наднациональной солидарности с мусульманами по отношению к которым применяются позитивные номинации.

²URL: https://vk.com/moy_dag#:~\textasciitilde;text=%D0%9C%D1%83%D1%85%D0%B0%D0%BC%D0%BC (дата обращения: 13.04.2024).

Рис. 3. Тематическая детерминация конфликтных комментариев (выборка по Дагестану), %

Fig. 3. Thematic determination of conflicting comments (sample for Dagestan), %

Специфика конфликтогенных комментариев в сетевом дискурсе Северной Осетии – Алании

Северная Осетия – Алания, в отличие от Дагестана, не является мультиэтническим регионом, в ней преобладают этносы, исповедующие православие – осетины и русские. Мусульманское население представлено меньшинством. В связи с этим исламская солидарность не является доминантным топосом в сетевом дискурсе. Эти особенности отчасти отражает частотность применения инвективной лексики в комментариях. Не выявлено использование религиофолизмов. Частотность вульгаризмов (43,8%) выше, чем пейоративов (26%). Далее следуют этнофолизмы (17,8%) и бранная лексика (12,4%). Как и в Дагестане преобладает мягкий уровень языка вражды (62,5%), средний используется реже (33,3%), а жесткий практически не применяется (4,2%) (рис. 4).

Среди используемых речевых актов в конфликтных комментариях наиболее часто применялись констативы (31,6%). Доля инвективов составляет 21,9%, квестивов – 18,4%, директивов – 16,7%, экспрессивов – 10,5%. Практически отсутствуют менасивы и перформативы (рис. 5). Это объясняется сравнительно невысоким уровнем конфликтогенности анализируемого дискурса.

В ходе анализа тематической детерминации конфликтных комментариев выявлено, что они в большей степени направлены

на негативную презентацию государственной политики и недовольство деятельностью органов власти, которые связываются с социально-экономическими проблемами региона (56,6%). Доля записей, провоцирующих этноконфессиональную конфликтность составляет 23,6%, комментариев, направленных на негативную презентацию этнической идентичности – 14,1%. Они в основном связаны с всплеском антииммигрантских настроений после теракта в «Крокус Сити Холле», неприязню к украинцам на фоне СВО и появляющимися инфоповодами, затрагивающими этноисторические травмы. Закрепленные за этноспецифическим прецедентным феноменом дифференциальные признаки и коннотации обеспечивают приращение смысла и синестетический/эпистемический перенос эмоционально-оценочного характера [21: 82]. Практически отсутствуют высказывания, направленные на негативную презентацию конфессиональной идентичности, провоцирование протестной активности и ценностно-мировоззренческой конфликтности, негативную презентацию русского языка и российской культуры (рис. 6).

Примером комментариев, содержащих провокативную и конфликтную интенцию, направленных на провоцирование этноконфессиональных конфликтов служит высказывание: **«Этот народ не подлежит исправлению или воспитанию, всегда камень за пазухой, это гены, это в крови дурь, предательство и недоброжелательность. С ними только жестко и строго!»**³. Здесь соче-

³URL: https://t.me/osetia_alania15/17415?comment=43765 (дата обращения: 13.04.2024).

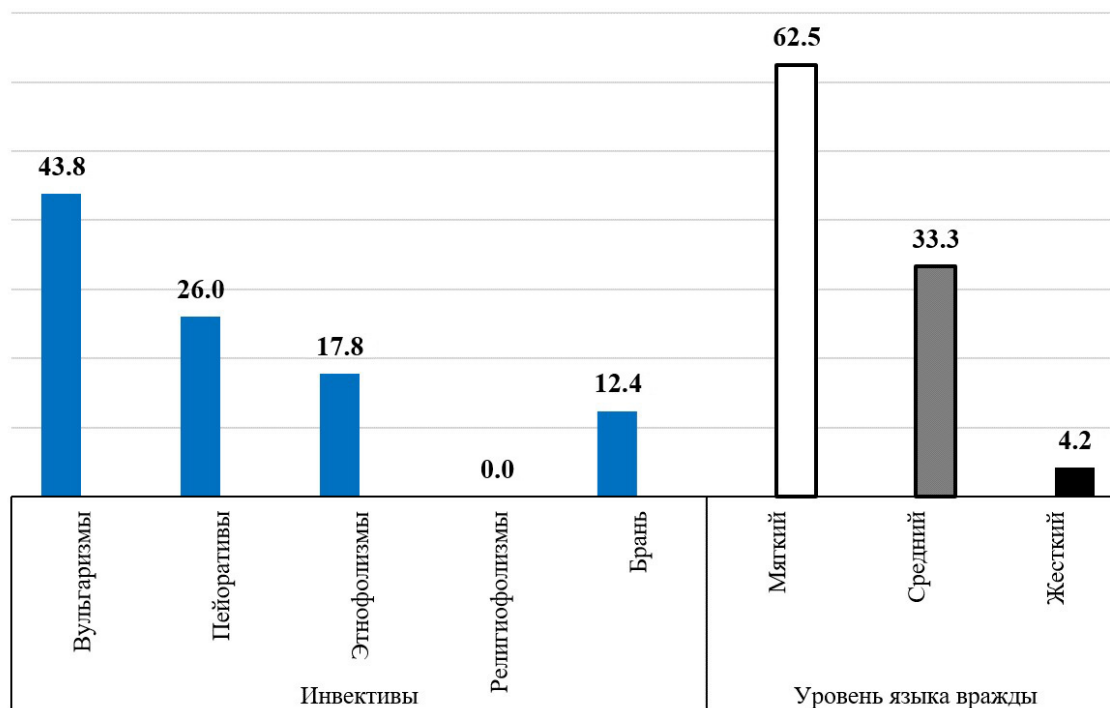

Рис. 4. Частотность применения основных видов инвективной лексики и уровень языка вражды в конфликтных комментариях (выборка по Северной Осетии – Алании), %

Fig. 4. Frequency of use of the main types of invective vocabulary and level of hate speech in conflict comments (sample for North Ossetia – Alania), %

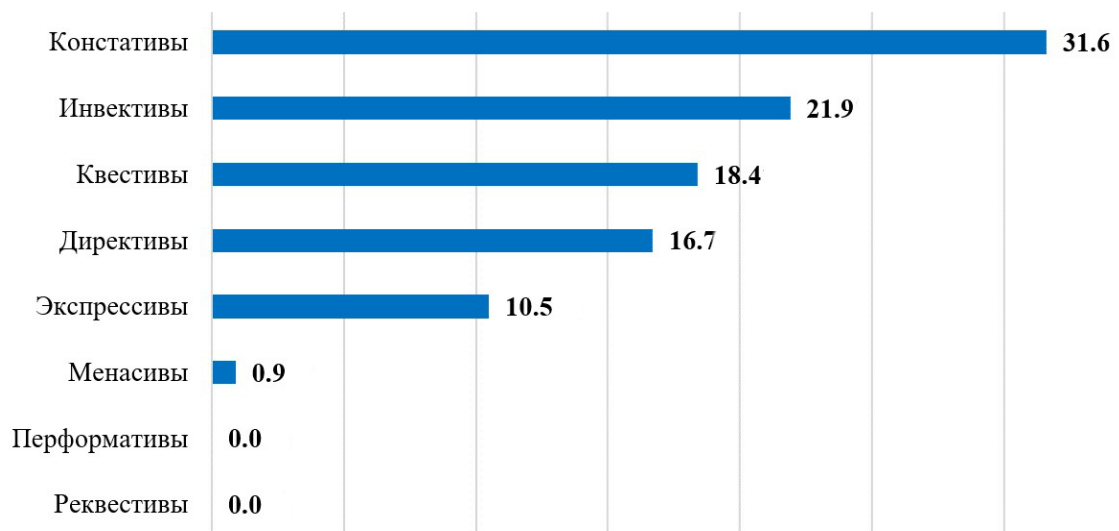

Рис. 5. Типы речевых актов в конфликтных комментариях (выборка по Северной Осетии – Алании), %

Fig. 5. Types of speech acts in conflict comments (sample for North Ossetia – Alania), %

таются констатив, содержащий фразеологический конкретизатор, инвектив и директив. Эвфемизм «*этот народ*» применяется по отношению к ингушам. Фразеологизм «*камень за пазухой*» подразумевает тайную враждебность и скрытую угрозу. Инвективная интенция достигается за счет предписывания им ряда

негативных качеств: «*в крови дурь, предательство и недоброжелательность*». Имплиcitная отсылка к этноисторической травме – осетино-ингушскому конфликту в совокупности с экспрессивно усиленным директивом «*С ними только жестко и строго!*», позволяет отнести высказывание к среднему языку враж-

Рис. 6. Тематическая направленность конфликтных комментариев (выборка по Северной Осетии – Алании), %

Fig. 6. Thematic determination of conflicting comments (sample for North Ossetia – Alania), %

ды, предполагающему имплицитные призывы к насильственным действиям.

Северная Осетия – Алания представляет собой преимущественно моноконфессиональный православный регион, в котором инфоповоды экономического и политического характера начинают преобладать над этноконфессиональными. Событиями, послужившими «точкой кристаллизации» речевой агрессии, стали президентские выборы и теракт в «Крокус Сити Холле». В комментативном сетевом пространстве региона существенно преобладают констативы, инвективы и квестивы с характерным лексическим наполнением: вульгаризмы, преобладающие над пейоративами, этнофолизмами и бранью. Характерной локально детерминированной особенностью является отсутствие религиофолизмов. Большинство высказываний могут быть отнесены к мягкому языку вражды. Комментарии в основном могут быть отнесены к трем тематическим направлениям: негативная презентация государственной политики, провоцирование этноконфессиональных конфликтов и негативная презентация этнической идентичности.

Комментативное сетевое пространство Карачаево-Черкесии

Этнический и конфессиональный контраст населения Карачаево-Черкесии может быть одним из факторов проявлений речевой агрессии. Здесь компактно проживают русские православные, карачаевцы и черкесы, исповедующие ислам. «Барометром» конфликтогенности выступает лексическое наполнение, тематическая детерминация комментариев в сетевом

дискурсе. Инвективная лексика в отобранных записях содержит минимальный процент религиофолизмов и брани. Чаще всего встречаются пейоративы (41,9%) и вульгаризмы (38,7%). В комментариях выявлена значительная доля среднего языка вражды (41,8%) (рис. 7).

Наиболее часто применяемыми типами речевых актов являются констативы – 41,1% и директивы – 27,2%. Менее часто применяются квестивы (12,2%), инвективы (11,1%) и экспрессивы (7,2%). Практически не используются реквестивы, перформативы и менасивы. Констативы наиболее характерны для мягкого языка вражды (рис. 8). Относительно большой процент директивных речевых актов коррелирует с высказываниями, относящимися к среднему уровню языка вражды, смысловое наполнение которых предполагает призывы и побуждения к негативным действиям по отношению к определенным этноконфессиональным группам.

По тематической направленности конфликтных комментариев преобладает негативная презентация государственной политики (44,3%) и провоцирование этноконфессиональных конфликтов (37,4%). Негативная презентация этнической идентичности встречается реже (12,2%). Практически не встречаются записи, направленные на негативную презентацию конфессиональной идентичности, провоцирование протестной активности и ценностно-мировоззренческой конфликтности, негативную презентацию русского языка и российской культуры (рис. 9).

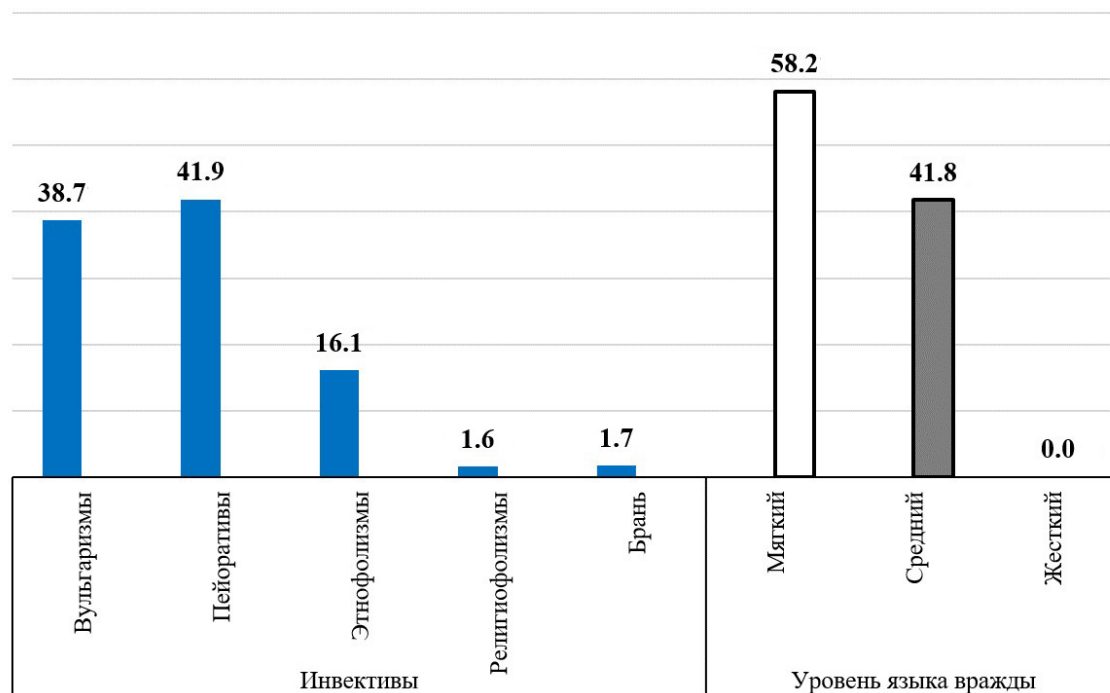

Рис. 7. Частотность применения основных видов инвективной лексики и уровень языка вражды в конфликтных комментариях (выборка по Карачаево-Черкесии), %

Fig. 7. Frequency of use of the main types of invective vocabulary and level of hate speech in conflict comments (sample for Karachay-Cherkessia), %

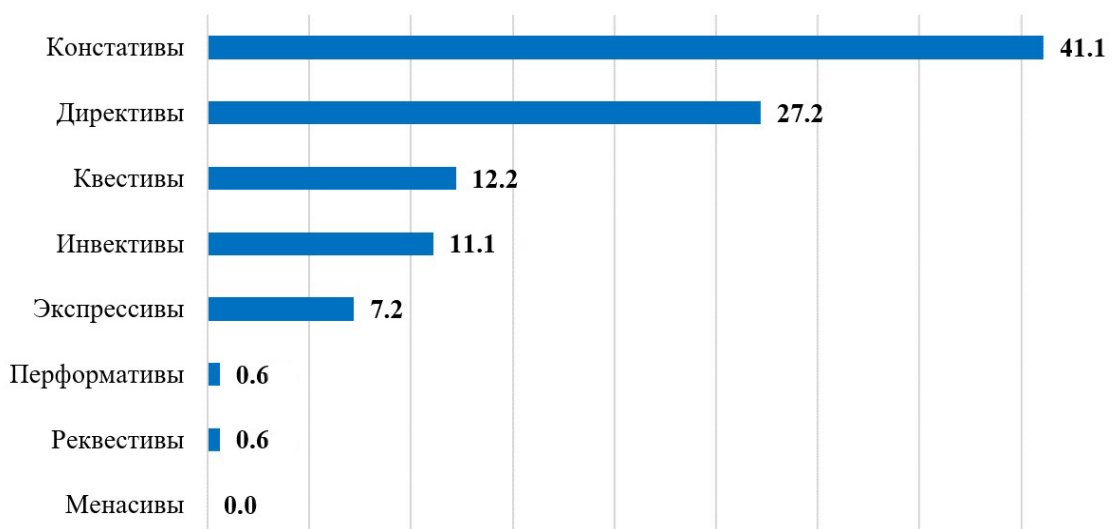

Рис. 8. Типы речевых актов в конфликтных комментариях (выборка по Карачаево-Черкесии), %

Fig. 8. Types of speech acts in conflict comments (sample for Karachay-Cherkessia), %

В отличие от конфликтного сегмента сетевого дискурса Дагестана, где преобладает позиционирование исламской солидарности, в провокативных записях Карачаево-Черкесского комментативного пространства прослеживается всплеск антимигрантских настроений. Инфоповодами, наряду с терактом в «Крокус Сити Холле», служили и новости о беспорядках с участием мигрантов, происходивших в республике. Такие записи не содержали прямых призывов к насилию, однако в них прослеживаются явные и скрытые директивные акты к депортации мигрантов, в которых для усиления манипулятивного эффекта присутствуют пейоративы и этнофолемы. **«Выгнать всех мигрантов из республики, нам своим**

рядках с участием мигрантов, происходивших в республике. Такие записи не содержали прямых призывов к насилию, однако в них прослеживаются явные и скрытые директивные акты к депортации мигрантов, в которых для усиления манипулятивного эффекта присутствуют пейоративы и этнофолемы. **«Выгнать всех мигрантов из республики, нам своим**

Рис. 9. Тематическая направленность конфликтных комментариев (выборка по Карачаево-Черкесии), %

Fig. 9. Thematic determination of conflicting comments (sample for Karachay-Cherkessia), %

местным работы не хватает»⁴. Директивное высказывание, не содержащее инвектив, однако подкрепленное аргументов в форме констатива. «**Какого черта, мигранты нам абсолютно не нужны! И так хватает хлама в республике! Я не представляю, чтобы представители нашей республики так хозяйничали, что в азербайджане, что в узбекистане, а у нас черт знает, что творится!? Детей уже боишься выпускать на улицу! Хозяева республики!**»⁵. В следующем высказывании применяется несколько речевых ходов. В экспрессивно-директивной форме выражается антимигрантская интенция. В форме квестива происходит информирование адресата о предполагаемых проблемах и в эмоциональной констативной форме утверждается, что мигранты стали «хозяевами республики». Применяется пейоративная метафора «хлам» и грубый экспрессивный фразеологизм «черт знает что». Директива «**Чемодан – вокзал – родной кишлак. Нехрен на чужой земле беспределить**»⁶ подкреплена недавно укоренившимся парцелированным фразеологизмом «чемодан – вокзал» в трансформированном виде в стиле пренебрежительного призыва, конкретизация дестинации «родной кишлак» усиливает пейоративную интенцию. Адресант использует вульгаризм «нахрен» и неузальный просторечный глагол «беспределить» для усиления суггестии в рамках интимизации.

Особенностью речеактовой стратификации комментативного пространства Карачаево-Черкесского сетевого взаимодействия является преобладание директивов и констативов, строящихся с приоритетным использованием пейоративов и вульгаризмов, что маркирует мягкий язык вражды. Это связано с тем, что большинство комментариев, содержащих враждебную по отношению к мигрантам интенцию, сопровождаются имплицитными и эксплицитными призывами к их депортации. По тематической направленности наиболее часто встречаются комментарии содержащие негативную презентацию государственной политики и провоцирование этноконфессиональной конфликтности. Значимыми инфоповодами стали президентские выборы, теракт в «Крокус Сити Холле» и новости о нарушениях общественного порядка, упоминавшие мигрантов в качестве нарушителей.

Заключение

Результаты исследования подтверждают наличие корреляции между уровнем языка вражды и этнокультурной спецификой исследуемых регионов. В интернет-комментариях исследуемых полиэтнических регионов провокативный потенциал приобретает пласт пейоративной лексики, направленный на оскорбление или унижение оппонента по этническому или религиозному принципу – этнофолизмы и ре-

⁴URL: https://t.me/chat_chp_kchr/486050?comment=486246 (дата обращения: 13.04.2024).

⁵URL: https://t.me/chat_chp_kchr/486050?comment=486805 (дата обращения: 13.04.2024).

⁶URL: https://t.me/chat_chp_kchr/486895?comment=486914 (дата обращения: 13.04.2024).

лигиофолизмы, – что является специфической особенностью конфликтогенеза в речевом жанре интернет-комментария фронтальных регионов. Частотность их применения становится значимым маркером этноконфессиональной напряженности и конфликтогенности. Выявлена зависимость между способом выражения интернет-комментария и репликой-стимулом. Чем более значимым в социальном плане является инициальный инфоповод в социальных сетях фронтальных полиэтнических регионов, описываемый в новостном посте, тем более эмоциональным является реактивный комментарий, который включает в себя большее количество конфликтогенных единиц. Это приводит к возрастанию уровня языка вражды и интенсификации речевой агрессии. Анализ речеактовой стратификации, лексического наполнения и тематической детерминации текстов жанра сетевого комментария показало, что фронтальность данных регионов влияет на специфику реализации речевой агрессии. Комментарии, содержащие речевую агрессию, отличаются повышенной эмоциогенностью и широкими потенциями к экстраполяции конфликта из коммуникативной реальности на социальную реальность, несмотря на минимальное число прямых перформативов. Для достижения коммуникативного намерения по расширению дерогативного пространства делиберации в сетевом взаимодействии существенное преобладание демонстрируют констативы, инвективы, квестивы и директивы. Что продемонстрировано в таблицах относи-

тельной представленности речевых актов (см. рис. 2, 5, 8).

Относительный приоритет вулгаризмов и пейоративов в процессе эмоциализации и интимизации комментативных высказываний наблюдается в сетевой коммуникации всех фронтальных регионов. Существенное снижение уровня религиофолизмов или их полное отсутствие детерминировано либо локализацией участников коммуникативной интеракции, либо социокультурными паттернами взаимодействия в модерированном делиберативном пространстве социальных сетей.

Сводная диаграмма тематической детерминации социально значимых инфоповодов в комментативном пространстве (рис. 10) демонстрирует существенное преобладание топосов негативизации отношения к ситуативно привязанной государственной политике и этноконфессиональной конфликтивизации.

Преобладание мягкого языка вражды в Дагестане и Северной Осетии – Алании, минимальное число записей, содержащих ме-насилия, угрозы-перформативы и открытые призывы к насилию свидетельствуют о невысоком уровне речевой агрессии и объясняется доминированием одной конфессиональной идентичности: исламской и православной. Большая доля среднего языка вражды в сетевых комментариях Карачаево-Черкесии объясняется наличием двух потенциально конфликтных конфессиональных идентичностей: исламской и православной и трех этнокультурных: карачаевской, черкесской и рус-

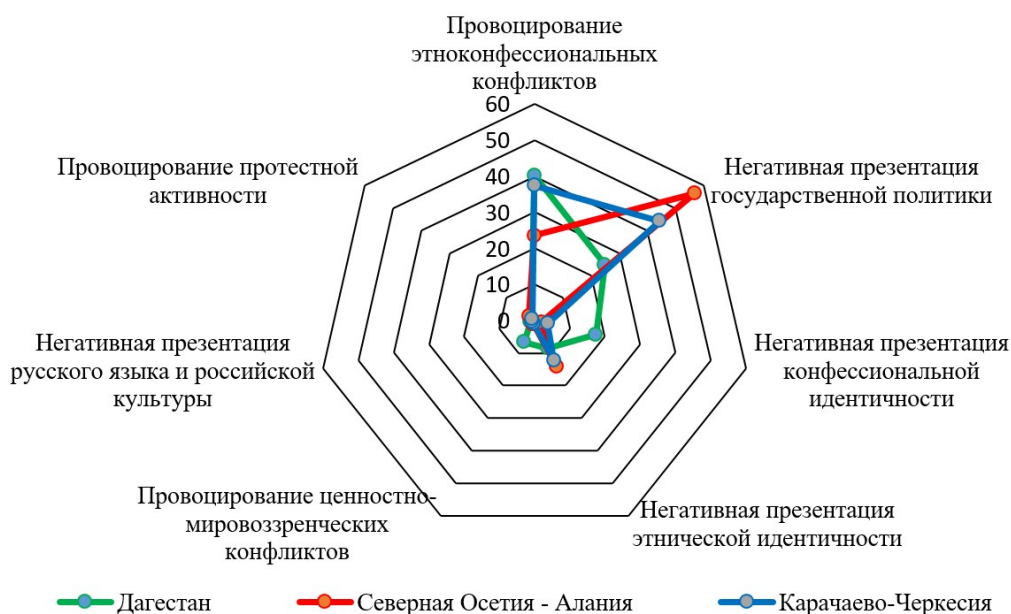

Рис. 10. Сравнительный анализ тематической направленности комментариев во фронтальных регионах, %

Fig. 10. Comparative analysis of the thematic focus of comments in frontier regions, %

ской. При этом наличие в комментариях существенного пласта пейоративной лексики в совокупности с значительной долей комментариев, направленных на провоцирование этноконфессиональных конфликтов в Карачаево-Черкесии и Дагестане, свидетельствует о потенциальной конфликтогенности сетевого дискурса данных фронтальных регионов. Была выявлена прямая зависимость между рели-

гиозным фактором и способами выражения речевой агрессии. Этнокультурные различия, детерминирующие значимость инфоповодов комментирования, влияют на тематическую направленность и лексическое наполнение агрессивных высказываний. Однако речеактивный состав в большей степени сохраняется в связи с северокавказской макрорегиональной спецификой исследуемых регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахренова Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики. М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2018. 363 с.
2. Викторова Е. Ю., Пантеева К. В. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 66–73. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>
3. Шипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария // *Вестник Башкирского университета*. 2015. Т. 20, № 2. С. 528–532.
4. Иванова С. В., Зубарева В. М. Жанровые особенности коммента как интернет-текста // *Вестник Башкирского университета*. 2013. Т. 18, № 4. С. 1147–1151.
5. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // *Жанры речи*. 2014. № 1 (9). С. 81–88.
6. Taddicken M., Bund K. Ich kommentiere, also bin ich. Community Research am Beispiel des Diskussionsforums der ZEIT Online // *Die Online-Inhaltsanalyse. Forschungsobjekt Internet* / eds. M. Welker, C. Wünsch. Köln : Herbert von Halem Verlag, 2010. S. 167–190.
7. Farina M. Facebook and Conversation Analysis: The Structure and Organization of Comment Threads. London : Bloomsbury Publishing, 2018. 232 p.
8. Митягина В. А. Коммуникативная интерактивность «в квадрате»: интернет-комментарий к массмедиа в социальной сети // *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6, № 3. С. 712–725.
9. Батура Т. В., Корб А. В., Печенкина А. М. Анализ иллокутивных функций высказываний на примере текстовых сообщений в Твиттере // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 58. С. 162–174. <https://doi.org/10.17223/17267080/58/12>
10. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986. Вып. XVII. С. 151–170.
11. Стеклова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // *Политическая лингвистика*. 2013. № 3 (45). С. 77–81.
12. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопросы философии*. 2000. № 3. С. 29–42.
13. Dijk van T. Discourse as structure and process. London : Sage, 1997. 368 p.
14. Kinney T. A. Hate Speech and Ethnophaulisms // *The International Encyclopedia of Communication*. Blackwell, 2008.
15. Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // *Труды БГТУ. Серия 4 : Принт- и медиатехнологии*. 2021. № 2 (249). С. 90–97.
16. Лопаткина С. В. Семантико-структурно-функциональный анализ языка вражды в современных

массмедиа // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2021. № 4 (33). С. 76–81. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-33-76-81>

17. Руженцева Н. Б. Язык вражды и его представление в печатных СМИ: динамические процессы // *Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2022. № 2. С. 551–563.

18. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY

19. Авдеев Е. А., Бредихин С. Н., Воробьев С. М. Стратегично-тактическое варьирование в конфликтогенном сетевом дискурсе: глокализация ценностного пространства // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2024. № 1. С. 47–62. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-47-62>

20. Верховский А. М. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М. : Панорама, 2002. 200 с.

21. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. № 2. С. 70–85. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-70-85>

REFERENCES

1. Akhrenova N. A. *Dominanty sovremennoj internet-lingvistiki* [Dominants of modern Internet linguistics]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2018. 363 p. (in Russian).
2. Viktorova E. Yu., Panteeva K. V. Genre of Internet commentary: Axiological aspect. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 66–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>
3. Shchipicina L. Yu. Genre status of online commentary. *Bulletin of the Bashkir University*, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 528–532. (in Russian).
4. Ivanova S. V., Zubareva V. M. Genre features of commentary as an Internet text. *Bulletin of the Bashkir University*, 2013, vol. 18, no. 4, pp. 1147–1151 (in Russian).
5. Steksova T. I. Commentary as a speech genre and its variability. *Speech Genres*, 2014, no. 1 (9), pp. 81–88 (in Russian).
6. Taddicken M., Bund K. Ich kommentiere, also bin ich. Community Research am Beispiel des Diskussionsforums der ZEIT Online. In: Welker M., Wünsch C., eds. *Die Online-Inhaltsanalyse. Forschungsobjekt Internet*. Köln, Herbert von Halem Verlag, 2010. S. 167–190.

7. Farina M. *Facebook and Conversation Analysis: The Structure and Organization of Comment Threads*. London, Bloomsbury Publishing, 2018. 232 p.
8. Mityagina V. A. Communicative interactivity “squared”: Internet commentary on mass media on a social network. *Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 712–725 (in Russian).
9. Batura T. V., Korb A. V., Pechenkina A. M. Analysis of illocutionary functions of utterances using the example of text messages on Twitter. *Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 162–174 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/17267080/58/12>
10. Searle J. R. What is a speech act? *New in Foreign Linguistics*, 1986, vol. XVII, pp. 151–170 (in Russian).
11. Steksova T. I. Verbal aggression in Internet comments as a manifestation of social tension. *Political Linguistics*, 2013, no. 3 (45), pp. 77–81 (in Russian).
12. Brockmeyer J., Harre R. Narrative: The problems and promises of one alternative paradigm. *Questions of Philosophy*, 2000, no. 3, pp. 29–42 (in Russian).
13. Dijk van T. *Discourse as structure and process*. London, Sage, 1997. 368 p.
14. Kinney T. A. Hate Speech and Ethnophaulisms. *The International Encyclopedia of Communication*. Blackwell, 2008.
15. Vasilenko E. N. “Hate speech” as a form of manifestation of conflicts based on stereotypes. *Proceedings of BSTU. Series 4: Print and Media Technologies*, 2021, no. 2 (249), pp. 90–97 (in Russian).
16. Lopatkina S. V. Semantic-structural-functional analysis of hate speech in modern mass media. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies*, 2021, no. 4 (33), pp. 76–81. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-33-76-81> (in Russian).
17. Ruzhentseva N. B. Hate speech and its representation in print media: Dynamic processes. *Ural Philological Bulletin. Series : Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2022, no. 2, pp. 551–563 (in Russian).
18. Dementyev V. V. On the problem of integral description of speech genres. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY
19. Avdeev E. A., Bredikhin S. N., Vorobiev S. M. Stratagemic and tactical variation in conflictogenic network discourse: Globalization of value space. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 47–62 (in Russian). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-47-62>
20. Verkhovsky A. M. *Problema etnicheskoi i religioznoi neterpimosti v rossiiskikh SMI* [The problem of ethnic and religious intolerance in Russian media]. Moscow, Panorama, 2002. 200 p. (in Russian).
21. Marchenko T. V., Bredikhin S. N. System modifications of the initial content of media polycode representatives in complex precedent phenomena. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 70–85 (in Russian). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-70-85>

Поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 17.06.2024; опубликована 30.09.2025

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 17.06.2024; published 30.09.2025